

*Я помню
её такой...*

*Людмила
Быкина*

На перекрёстке наших встреч

Я помню ее такой...

Юрий Беспалов

**Людмила Зыкина. На
перекрестке наших встреч**

«Алисторус»

УДК 784.3.071.2(47+57)
ББК 85.364.1(2)6-8

Беспалов Ю. А.

Людмила Зыкина. На перекрестке наших встреч /
Ю. А. Беспалов — «Алисторус», — (Я помню ее такой...)

ISBN 978-5-906861-08-5

Имя Людмилы Зыкиной известно всем. Недаром говорят, что голос Зыкиной — это голос самой России. Но только близкие знали, какой она была в жизни, как могла повести себя в той или иной житейской ситуации. И как за внешней невозмутимостью и спокойствием скрывались зачастую сомнения, недоверие и причуды. Да и были на то причины — за свою доброту Людмила Георгиевна не раз страдала от обмана и всякого рода авантюр. Эта книга о великой русской певице написана ее пресс-секретарем, который работал с ней рядом последние четверть века. Основанная на личных впечатлениях и наблюдениях, она собиралась по крупицам: строкам из дневников, записям бесед, встреч — и представляет собой совершенно эксклюзивный материал.

УДК 784.3.071.2(47+57)

ББК 85.364.1(2)6-8

ISBN 978-5-906861-08-5

© Беспалов Ю. А.

© Алисторус

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Беспалов
Людмила Зыкина. На
перекрестке наших встреч

© Беспалов Ю.А., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Вместо предисловия

Только четыре человека в нашей стране за прошедшее столетие покоряли мир на всех его лучших сценах своим неповторимым искусством более 50 лет. Вот эти легендарные личности: Майя Плисецкая, Людмила Зыкина, Игорь Моисеев во главе своего ансамбля виртуозов танца и Мстислав Ростропович. Мне посчастливилось общаться со всеми четверьмя. В меньшей степени с Ростроповичем, с остальными – на протяжении десятилетий. И, конечно, Зыкина в этом блистательном ряду – первая по количеству и масштабности встреч с ней при разных ситуациях, обстоятельствах, крутых и не очень поворотах ее творческой, общественной и личной жизни.

Трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о людях, представляющих слишком большой интерес, и, слава богу, что я счел в свое время полезным сохранить дневники, магнитофонные записи бесед и встреч с Зыкиной, известными людьми страны, общавшимися с ней в разные годы. Чтобы восстановить в памяти некоторые события и факты из творческой биографии Зыкиной, пришлось заглянуть и в ее книги. Подспорьем послужил также архив певицы – собрание писем, поздравлений, буклетов, ее высказываний относительно тех или иных явлений жизни.

Должен заметить, что написанное мной – результат личных впечатлений и наблюдений. Зыкина в книге такая, какой я видел ее. Слова певицы, реплики, суждения, мнения могут показаться упрощенными, без должного блеска, но за ними всегда кроются добрые помыслы, они заслуживают доверия, потому что правдивы.

Глава I

Знакомство. – Зыкина о постижении секретов песни. – Стихи для Зыкиной. – Поклонница и певица. – Обманистики и плуты. – Отзывчивость рядом с добротой. – О бережливости. – Подарки

В один из осенних дней 1978 года позвонил поздним вечером прославленный певец, солист оперной труппы Большого театра Александр Павлович Огневцев. «Юра, – слышу в трубке давно знакомый бас, – я встретил в гараже Люсю Зыкину (во дворе высотного здания на Котельнической набережной, где жили оба артиста, под теннисным кортом находился гараж, и «Волги» Зыкиной и Огневцева стояли рядом. – Ю.Б.). Ей нужен помощник по связям с прессой. Я предложил твою кандидатуру и дал номер домашнего телефона. Нет возражений?» – «Нет, конечно», – последовал мой ответ.

Через день-другой позвонила Зыкина:

– Добрый вечер. Артистка Зыкина беспокоит.

– Слушаю внимательно, Людмила Георгиевна.

– Мне Александр Павлович многое о вас рассказал. Вы действительно написали более двухсот статей и все об искусстве, культуре?

– Да, это так.

– Вы член Союза журналистов?

– С 1975 года.

– У вас есть награды?

– К сожалению, звезды Героя и ордена Почетного легиона нет, есть только медали и почетные грамоты.

– Хорошо. Ансамбль «Россия» дает концерт в гостинице «Россия» через пару недель. Вы могли бы туда приехать?

– Постараюсь...

– О времени встречи вам сообщат. До свидания.

На служебном подъезде гостиницы «Россия» меня встретил дирижер ансамбля Виктор Гридин, как оказалось, муж певицы, и проводил за кулисы минут за двадцать до начала концерта. «Королева русской песни» предстала передо мной в отличном концертном платье красного цвета с отделкой изумительными узорами по рукавам и подолу. В ушах сверкали всеми цветами радуги сережки с крупным изумрудом в центре и небольшими бриллиантами вокруг него. Из-под наклеенных черных ресниц – пристальный, изучающий и немного жесткий, как мне показалось, взгляд.

Виктор Гридин и Людмила Зыкина. Свадебная фотография

- Александр Павлович посвятил вас в мои проблемы?
- Посвятил.
- Вы согласны?
- Надо подумать. У меня же есть основная работа...
- Я вас не буду мучить.

Годы спустя, когда певица что-либо дарила, всегда подписывалась: «Твоя мученица Л. Зыкина» или: «От твоей мученицы Л. Зыкиной».

Людмила Георгиевна прошла со мной в зал под аплодисменты уже собравшейся публики и усадила в середине первого ряда со словами: «Послушайте нашу новую программу». Так состоялась первая встреча с прославленной певицей.

Вторая произошла в квартире Зыкиной 4 января 1979 года. Высоченные потолки, просторная прихожая с большим зеркалом, три комнаты, ничего сверх необыкновенного. Коробки с японской звукозаписывающей аппаратурой, две картины работы Лансере и Беркеля, букет крупных алых роз в хрустальной вазе, портрет Фурцевой на пианино, книжный шкаф с томами Пушкина, Лермонтова, Даля... Множество книг серии «ЖЗЛ». Пока листал сборник песен и романсов, на столе гостиней появились рассыпчатая отварная картошка «синеглазка» с маслом, гора зелени, блюдо с красной икрой, армянский коньяк «Ани», крымский мускат, водка... Водку пил только Гридин. От нее я отказался, когда он выразил желание потчевать ею и меня.

– Вы не пьете водку? – спросила Зыкина.

– В юности перепил и отравился. С тех пор не пью.

– Что же вы пьете?

– Все остальное, – ответил я.

– Все остальное, за исключением небольших количеств водки, коньяка или добротных вин, употреблять вредно, – заметила Зыкина. – «Солнцедар», например... Говорят, такая гадость, можно умереть, если выпить много.

...Тут, про себя, я вспомнил Ростроповича. В 1970 году я ехал на интервью с Галиной Вишневской по просьбе «Вечерней Москвы» и случайно оказался в компании Ростроповича и Солженицына – оба «обмывали» весть о присуждении писателю Нобелевской премии. Мне также было предложено выпить водки, и я выдвинул те же самые мотивы, что и за столом у Зыкиной.

«Надо пить только водку, и желательно хорошего качества, – напутствовал подвыпивший виолончелист. – От всего остального в заднем проходе могут заводиться червяки...»

За чаем Людмила Георгиевна расспрашивала о том о сем: где и когда встречался с известными мастерами культуры, что о них писал, каковы творческие планы... На прощание подарила свою первую книгу под названием «Песня» с пожеланиями «вдохновения, настроения, хороших встреч».

...Всего Зыкина написала четыре книги, три (считая второе издание «На перекрестках встреч») – с моим участием. Любила дарить тем, кого особенно уважала, ценила. Помню, в конце 1999 года она собралась на прием к В.В. Путину по поводу строительства Академии культуры в Москве.

– Хочу подарить Владимиру Владимировичу книгу (речь шла о книге «Течет моя Волга», вышедшей в издательстве «Новости»). Как лучше надписать? Что ему пожелать?

– Ну что можно пожелать Путину? Здоровья? Так оно у него, слава богу, с избытком. Успехов? Он и так успешен. Вся страна это знает и видит. Счастья? Но никто не ведает, что это такое, – полного, всеобъемлющего определения счастья нет. Счастье есть лишь мечта, считал Вольтер, а Густав Флобер определил три условия для того, чтобы быть счастливым, – быть дураком, эгоистом и обладать хорошим здоровьем. И если первого из них не хватает, то остальные бесполезны. К тому же это не новогоднее поздравление, а книга. Напишите просто: «Владимиру Владимировичу Путину на добрую память. С уважением ваша Людмила Зыкина». Что и было написано. Встречу главы государства и великой певицы показал Первый канал телевидения: Зыкина преподносит книгу Путину и в ответ получает огромный букет цветов...

Прежде чем приступить к общению с представителями средств массовой информации, с самой певицей, я начал скрупулезно изучать ее творчество по газетным и журнальным статьям в нашей и зарубежной прессе, знакомился с репертуаром, просматривал документы личного

архива. Кстати, в архиве я нашел любопытную информацию по части истоков певческого дара Зыкиной. Оказалось, впервые в жизни она запела в школьном хоре, когда учитель пения Николай Павлович Захаров выбрал ее запевалой. Ей было десять лет. Училась в 3 «А» классе. Для солистки хора мама, Екатерина Васильевна, сшила черную юбку из сатина, на которую нашла разноцветные ленточки, и белый фартук с кружевами. Песня В. Захарова на слова М. Исаковского «Шел со службы пограничник» и была первой песней, исполненной Зыкиной соло.

Меня интересовало, скажем, почему народные песни, плачи, причеты, другие произведения в ее трактовке меньше всего «музейны» и этнографичны; как ее интуиция позволила найти емкую стилистику пения, сценический образ, одновременно исполненный сердечности и силы, женственности и грации; каков способ постижения души песни и в чем ее метод; как она отбирает стихи и находит нужную трактовку песни, романса и многое, многое другое. Кое-что объяснила сама певица при нашей первой рабочей встрече в ее кабинете на Фрунзенской набережной, в доме, где базировался ансамбль «Россия»:

– Мне хочется всегда, чтобы песня у меня звучала как признание – сердечное, чистое, свободное от сантиментов, высокое, чтобы в каждой вещи был разговор со слушателем по душам. Поэтому, к какому бы песенному жанру ни принадлежало выбранное мною произведение, я ищу в нем прежде всего распев, крылья широкой, легкой мелодии. Мой, если можно сказать, способ постижения души песни состоит в том, что я живу с нею, постоянно думаю о ней. Медленно вхожу в ее мир. Ведь хорошо спеть песню ой как трудно. Казалось бы, простая она и звучит всего несколько минут, но изведешься иной раз, пока разгадаешь ее загадку. Случается, что песня сразу как-то раскрывается, становится ясной во всех своих компонентах и сразу поется. Но чаще бывают мучительные раздумья, и они не покидают меня нигде. Песня незримо сопровождает меня повсюду: и дома, и на улице. Я не расстаюсь с нею ни на минуту. На каком-то этапе песня начинает звучать во мне, я вслушиваюсь в этот постоянно текущий и какой-то таинственный процесс. Что-то сразу отвергаю, что-то фиксирую, снова что-то обретаю. Происходит медленное узнавание песни, и, наконец, происходит время ее рождения.

К отбору новых вещей я стараюсь подходить особенно строго и включаю их в свой репертуар только тогда, когда они мне близки по содержанию, по характеру стиха, по музыкальной основе мелодии, связанной с русскими народными интонациями. Выбрать произведение для исполнения – очень сложное дело, порой мучительное. Кажется, все есть в песне, все в ней на месте. Но нет в ней одухотворенности – того, что дает жизнь музыке и слову, нет единства поэтического и музыкального смысла, то есть нет основного, что делает песню необходимой человеку.

Очень важно и любить петь без сопровождения. Когда поешь одна, то всегда стараешься прислушиваться к своему голосу, а когда вслушиваешься в него, то ищешь какие-то новые краски, тот тембр и ту окраску, которые бы тебе самой нравились, грели бы сердце. Однажды на рассвете в летнем лесу под Москвой, возле Опалихи, я пела очень тихо... А вечером девушки, работавшие на ближнем поле, сказали мне, что слышали каждый мой звук. Лесок-то был березовый! Когда возле берез поешь чуть не шепотом, голос кажется звонким. А в еловом лесу – приглушенным. Где травы высокие – голос звучит мягче. Если дождей давно не было, сушь стоит, то у песни четкое эхо. А после дождя эхо будто размыто, как акварельное водяное изображение... Когда пою на природе, думается, вся земля тебе петь помогает, и то, что ты видишь во время своей репетиции, остается в песне, сохраняется ею, даже если она и не о природе вовсе и переклика с пейзажем в ней нет. По существу, в этих словах слиты моя тема и мой метод.

Разумеется, и годы учебы у известных и малоизвестных мастеров культуры прошлого и настоящего научили меня лучше улавливать дух песни, видеть ее конструкцию, архитектуру и в то же время помогли выработать свое видение мира, взглянуть на творческий процесс гораздо глубже и шире, чем на ранних подступах к песне.

«Ничего невозможного в жизни нет! Если я чего-то хочу, я буду этого добиваться. И добьюсь обязательно». (Людмила Зыкина)

Конечно, я не живу ожиданием готовой песни. Сама ищу стихи, просматриваю поэтические сборники, покупаю у букинистов старинные журналы, антологии, в которых может мелькнуть интересный «стихотворный материал». Пристрастие к стихам помогает в работе над песней. «Через произведение искусства художник передает свою страсть», – писал Ренуар.

Значит, и слово песенное должно быть страстным, правдивым, точным и разнообразным по содержанию. Иными словами, я стараюсь петь не только «музыкально», но и в высшей степени «литературно». В любом случае стихи, которые легли или ложатся в основу моих песен, я постигаю досконально, пытаюсь разобраться в их конструкции, лексике, самом строе. Еще в училище имени М.М. Ипполитова-Иванова я запомнила высказывание Шумана: «Одним из путей продвижения вперед является изучение других великих личностей». Я, как могла, старалась следовать завету. Надежда Андреевна Обухова, Виктор Боков, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Григорий Пономаренко, Лев Ошанин, Серафим Сергеевич Туликов – всех и не перечислить, кто так или иначе помогал в работе над песней или влиял на мое творчество. Да и за рубежом, как могла, впитывала в себя все, что мне казалось необходимым, нужным в работе над песней. Увидев какой-нибудь барельеф на старинном замке Праги или уловив что-то такое, что мне раньше и в голову не приходило, скажем в беседе с Азнавуром, я по-новому смотрела на многие вещи.

А Шаляпин? Для меня, как для певицы, Федор Иванович был и остается недостижимым идеалом в пении, в подвижническом отношении к искусству. Записанные им народные песни навсегда останутся классическим образцом творческого и в то же время бережно-трепетного обращения с фольклором.

В этот момент выключился магнитофон. Я стал вставлять новую пленку.

– Может, на сегодня хватит? – спросила Людмила Георгиевна. – Мне еще надо успеть новое платье примерить. Марьяша, наверно, заждалась. (Портниха Марьям Мухамедовна годы работала с Зыкиной. С ней певица часто советовалась и обсуждала новые эскизы и модели. Довольно толковый и знающий свое дело специалист. Однажды я зашел в примерочную без спроса – звонил Кобзон, ему зачем-то срочно потребовалась Зыкина – и увидел, как Марьям прикладывала ряд белых, довольно крупных рюшек на грудь певицы, стоявшей рядом в платье темно-синего или, скорее, василькового цвета. Пока Зыкина вела переговоры с Кобзоном, я снова зашел в примерочную. «Марьям Мухамедовна, – говорю, – извините за вмешательство, но нужны ли эти, хоть и прекрасные, рюшки на груди Зыкиной? Они только увеличивают ее объем. А зачем? Придумайте что-то другое, вы же профессионал в этом деле»... И рюшки были убраны. Тут уместно вспомнить почти анекдот. Одна дама из Волгограда прислала Зыкиной письмо, в котором сетовала на то, что у нее «грудь больше, чем у Вас, Людмила Георгиевна, а сейчас смотрю кругом у женщин грудь много меньше моей, видно, мода такая пошла. Что мне делать? Что бы вы посоветовали?». Подошел к Зыкиной. «Что отвечать?» – спрашиваю. «Что отвечать? Не отрезать же. Пусть донашивает»).

После примерки платья я заглянул в кабинет Зыкиной.

– Продолжим разговор, Людмила Георгиевна?

– Нет, сейчас должна приехать Аля Пахмутова. Давай завтра.

– Завтра суббота.

– Ну и что? Времени будет больше. И не стесняйся. Спрашивай о чем угодно, я расскажу все, что есть в памяти. Могу забыть что-то, напомни, приведи меня к тому, что тебе нужно узнать или спросить.

Составив перечень из нескольких десятков вопросов к певице и в течение месяца получая от нее ответы на них, касающиеся творческих поисков, отношения к состоянию песенного жанра, его будущего, я решился на первое с ней интервью, которое и было опубликовано в газете «Советская культура» 20 февраля 1979 года под названием «Запоют ли наши внуки «Калинку»? После публикации и в редакцию газеты, и в адрес Зыкиной посыпались, как из рога изобилия, сотни писем и откликов, поддерживающих взгляды певицы. На конвертах сплошь и рядом значились три слова: «Москва. Людмиле Зыкиной». И как ни удивительно, они доходили до адресата. «Москва. Кремль. Зыкиной» – были и такие, чаще на телеграммах. Авторы многих

посланий обращались с советами, предложениями, комментировали зыкинские высказывания, задавали певице вопросы самого разного толкования, просили дать ответ на них...

– Взял у вас, Людмила Георгиевна, интервью на свою шею, столько писем пришло, с ума можно сойти.

– О чем вы говорите, Юрочка! Вам ли жаловаться с таким-то опытом. Я же рядом.

– Одно дело – писать статьи, очерки, совсем другое – отвечать на письма.

– Не переживай, справишься. «Труд побеждает все», – сказал кто-то из великих.

Пришлось засучивать рукава... И на многие годы.

* * *

Поток писем значительно увеличивался после выступления певицы на телевидении или радио по проблемам современной культуры, нравственности, воспитания, особенно годы спустя после развала Союза. Отклики эти она откладывала в отдельную папку и иногда перечитывала, как бы сверяя свою точку зрения на ту или иную проблему с взглядами и суждениями пишущих ей корреспондентов. Вот отрывки некоторых из них, самых характерных для середины девяностых, не утративших во многом смысла и сегодня.

Из письма нижегородца М. Кузнецова:

«9 декабря 1890 года по возвращении с Сахалина Чехов пишет письмо Суворину: «Хорош Божий свет. Одно только нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм!.. Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень, свинство, справедливости нет...»

Более ста лет прошло с тех пор. Но многое ли изменилось? А вы взялись изменить положение в культуре. Получится ли? Дай-то бог!».

Строки из письма профессора Н. Прокопенко:

«Культура человека – его умственное и нравственное образование. К сожалению, людей истинно культурных в нашей стране встретить не так просто. Даже в среде политических, государственных деятелей прошлого и настоящего. Все глупости происходили и происходят от отсутствия в руководителях и их окружении подлинной культуры – политической, экономической, правовой. Не говоря уже о бытовой культуре. В цивилизованных странах опоздать на встречу так же неприлично, как испортить воздух в общественном месте. Необязательность, пустословие, вранье – обычное явление. Поэтому Вам в борьбе за подлинную культуру не будут союзниками: а) невежество общественного вкуса, формируемое бульварной демагогией, словоблудием и откровенной пошлостью иных средств массовой информации; б) всякое противостояние попыткам терпеливо взращивать народовластие, культивировать политическое сознание, общественную нравственность и мораль; в) скороспелость в освоении принципов и основ демократии, которая требует огромных нравственных усилий, глубокого понимания реальной политической и правовой культуры народа; г) слабая подготовка современного человека к восприятию и утверждению подлинно демократических начал; д) победы бездарей и неграмотных амбициозных шарлатанов с ограниченным кругозором над здравомыслящими и честными людьми...

Удачи Вам!»

«Культурой у нас и не пахнет, – пишет прядильщица из Иванова Л. Лебедева. – Матерятся все, кому не лень, хамство чуть ли не на каждом шагу, проституция процветает, тюрьмы переполнены дебилами, люди скудеют интеллектом и готовы на любой обман ради денег, наживы. И доброту, и честность, и совесть, и порядочность, и интеллигентность, от века считавшиеся российской добродетелью, мы умудрились растерять. О поведении, нравах в моло-

дежной среде – и говорить не приходится. Поднять культуру народа на должную высоту – это невероятно тяжелый, по большому счету непосильный в наше сумасшедшее время груз...».

«Вы, Людмила Георгиевна, боретесь за чистоту языка, – пишет москвич профессор Н. Комлев. – И правильно делаете, поскольку язык – это наиболее стабильный инструмент управления и очевидный носитель общественного сознания. К сожалению, наша сегодняшняя речь катастрофически отстает от высоких канонов российской словесности. Она стала пошлой, стилистически беспомощной и зачастую вульгарной. В публичную и деловую речь все больше проникают непристойные выражения и криминальная лексика. Кризис общественных структур содействовал в немалой степени убожеству сегодняшней устной речи. Это видно на примере всех жанров масс-медиа. Отсутствие концепций в новых теле- и радиопередачах приводит к тому, что рок-попсовые житы на английском и русском языках зачастую столь же пусты, да еще и непристойны, как и упаковочная лексика диджеев».

Людмила Зыкина на встрече с юными поклонниками своего творчества

Из письма профессора М. Назарова:

«...Когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умяляются духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества. В итоге рано или поздно наступает катастрофа. Только этическое движение может вывести нас из состояния бескультурья...».

Письмо от учителя из Санкт-Петербурга Н. Самойлова:

«Прежде чем думать о развитии культуры, следует в первую очередь взяться за воспитание. «Самое надежное, но и самое трудное средство сделать людей лучшими – есть приведение в совершенство воспитания», – считала императрица Екатерина II и была права. Чтобы подрастающее поколение несло в себе необходимую культуру, надо обратить внимание на учите-

лей, педагогов, воспитателей, на всех тех, от кого зависит если не все, то очень и очень многое в укреплении в человеке нравственных критериев. Среди сил, формирующих действительность, нравственность должна быть первой. Она – решающее звено, которое мы должны отвоевать от мышления. Все остальное второстепенно. Конечно, проповедовать мораль легко, гораздо сложнее обосновать ее. Вот в чем существо проблемы. Однако сегодня, когда сами события с неумолимостью ведут нас к сознанию того, что мы живем в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурия, нам надлежит – хотим мы того или нет – до конца определить сущность подлинной культуры. В общих чертах – это прогресс, материальный и духовный. Создание максимально благоприятных условий жизни – таково требование, необходимое и само по себе, и в интересах духовного и нравственного совершенства человека. И мы не можем отказаться от собственного достоинства, принеся в жертву бескультурию солидные остатки общего достояния, которым недавно располагали. Внести нечто весомое и прочное в решение проблем культуры, политической и экономической жизни мы сможем лишь в том случае, если возьмемся за них как люди, стремящиеся прийти к этическому мышлению. Аристотель, преподававший Александру Македонскому уроки этики, по сравнению с которыми и политика, и экономика, и наука воевать не более, чем синонимы бренности, учил: «Справедливость не есть часть добродетели, а вся добродетель, и противоположность ее – несправедливость – не часть порочности, а порочность вообще».

Про этику, призванную воспитывать в человеке разумном человека созидającego, у нас позабыли. А жаль. Если мы не привьем юному человеку осознанной необходимости культурного бытия, то все разговоры о цивилизованном обществе – пустая трата времени».

* * *

При знакомстве с зыкинской почтой меня поражало обилие стихов, поэм, песен, посвященных ей или, по мнению авторов, вполне пригодных для использования в ее творчестве. Иногда поэты-песенники отличались величайшей настырностью и нахальством: звонили тысячу раз, приезжали к певице на работу несколько дней подряд, ловили Зыкину перед концертом или после него и т. д. Это раздражало и отталкивало певицу до такой степени, что она вспоминала известную фразу Горация: «Человек либо сходит с ума, либо пишет стихи». Правда, если стихотворение ей нравилось и в нем она находила хоть какое-то выражение мысли, она говорила: «Почти как у Лермонтова (любимого поэта певицы – Ю. Б.): «На мысли, дышащие силой, как жемчуг ниспадают слова». Несколько лучших из них были отобраны для прессы, некоторые опубликованы в печати в связи с 50-летием творческой деятельности певицы и затем в 1999 году, по случаю ее 70-летия.

Одно из них, хранившееся среди других в архиве певицы, я привожу здесь для того чтобы дать представление читателям, какие стихи слали Зыкиной со всей страны. Стихотворение написал одессит О. Ротгаузский.

Людмила Зыкина поет

Березки. Дожди косые...
Над Волгой солнце красное встает.
Мне кажется: я слышу всю Россию,
Когда Людмила Зыкина поет.

Она поет про русские березы,
Да про черемух русских белый цвет —
И на ресницы набегают слезы —

Ведь Родины другой на свете нет.

И вижу я: уходят эшелоны...
Орел в дыму. В руинах Сталинград.
Я помню вас, рязанские мадонны,
Со мною навсегда ваш скорбный взгляд!

Я в сердце нес до самого Берлина
Немой укор российских матерей,
Любовь к Отчизне преданного сына
И праведную месть Земли моей!

Какою скорбью и какою силой
Полна народа русского душа...
...Березка над солдатскою могилой...
Я слушал эту песню чуть дыша...

А песня душу правдою тревожит,
Ее нельзя не слушать, не любить —
Я знаю, что такая песня может
Поднять в атаку, чудо совершить!
Все лучшее в сердцах народных будит,
И за собой к прекрасному ведет —
И я кричу: «Снимите шапки, люди,
Когда ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА поет!!!»

* * *

Среди поклонниц Зыкиной были и такие «энциклопедисты», что знали почти все о ее личной жизни и творчестве. Хронику эту создавала не одна сотня фанаток. Многим из них честь и хвала. Благодаря им Зыкиной удавалось восстанавливать в памяти любые события жизни и концертной деятельности. Самой яркой фигурой среди них была работница ткацкой фабрики поселка Лукново Владимирской области Екатерина Рогалева, 25 лет подряд неустанно собиравшая всю информацию о Зыкиной. Она передала певице два толстенных альбома, в которых было собрано буквально все о Зыкиной: ее концертах, гастрольных поездках, встречах со зрителями, репертуаре, высказываниях певицы, ее привязанностях...

В этом «исследовании» можно было найти любую справку. Например, дату любой поездки Зыкиной в Японию, США, Францию, что сказала певица на встречах с Шарлем Азнавуром, Марселем Марсо, со зрителями и слушателями на Уралмашзаводе, когда ей было присвоено звание заслуженной артистки Бурятской АССР...

«Сколько вложено в каждую запись любви, труда, внимания», – восторгалась Зыкина, когда прочла и объемистый дневник Рогалевой, который она привезла вместе с альбомами. И когда мы с Зыкиной сели за работу над книгой «Течет моя Волга», альбомы Рогалевой намгодились.

Предлагаю читателям несколько записей из ее дневника с комментариями Зыкиной.

Впервые Катя услышала мою песню в 1966 году, когда ей было 11 лет...

«...Была ранняя осень. Легко и непринужденно кружась, падали листья. Большое багряно-золотистое солнце медленно опускалось за горизонт. На асфальт легли огромные тени

от зданий. В этот вечер я возвращалась домой из школы. Улица была пустынна. Я даже не заметила, как прошла половину пути. И вдруг послышалась песня. Неслась она из открытого окна дома, мимо которого я шла. Голос певицы мягко и задушевно пел о маме и о платке: «И тебя, моя мама, согреет оренбургский пуховый платок». Я стояла как зачарованная, сердце мое kloкотало, но песня словно растаяла в вечернем воздухе. Я пошла дальше, и во мне все продолжали жить эта песня и удивительный голос певицы...

Только месяца через два после «первого свидания» с песней я узнала имя певицы – заслуженная артистка РСФСР Людмила Зыкина.

«Чувство, что я приношу людям радость, меня никогда не покидало». (Людмила Зыкина)

Нет, наверное, никогда не уйдет из памяти этот вечер!

Однажды я пришла к подруге Тане, слушавшей концерт по заявкам, что транслировался на радиостанции «Маяк». Первая песня прозвучала по просьбе шофера из Рязани, называлась «По диким степям Забайкалья». Следующую песню «Женька» Жарковского и Ваншенкина просил включить в программу концерта воин-пограничник. Ведущий назвал фамилию певицы: «Поет Людмила Зыкина». Ну что ж, Зыкина, так Зыкина, послушаем, подумала я. Но все же насторожилась – песня-то уж больно знакомая! И каково же было мое изумление, когда я услышала знакомый голос! Сразу узнала: тот самый голос, что слышала я, возвращаясь из школы! Радости не виделось конца!»

Вчитываясь в дневники Кати, я узнала о непростой судьбе, ее трудном детстве, когда девочке-подростку приходилось работать помощницей пастуха, чтобы помочь своей семье. Я удивлялась ее взрослению, ее умению понимать истинные ценности жизни, видеть красоту окружающего мира, несмотря на большое сердце и жизненные невзгоды. Меня особенно тронули ее слова: «Смогла ли бы я оценить труд окружающих людей, не преподнеси мне судьба такого испытания?»

«Уверена: не поняла бы я и творчества Л.Г. Зыкиной, ибо основа ее песен – широта души человеческой. В них гудит великая народная воля, высятся могучие страстные характеры, в них стоном стонет горе, костром горит ликование. И, конечно, красота пахнущих медом лугов, кормящих хлебом полей...»

В дневнике Катя пишет о том, как начала собирать материалы для альбомов. Однажды, находясь в больнице, она случайно в стопке старых журналов нашла мой портрет:

«Вдруг взгляд мой упал на фотографию какой-то, по всей вероятности, певицы: выразительные глаза, слегка выющиеся темные волосы, мягкие, приятные черты лица казались знакомыми. И тут только увидела: рядом со статьей большими буквами напечатан заголовок: «Поет Людмила Зыкина». Через меня как будто ток пропустили. От счастья я завопила на всю палату: «Девчонки, я Зыкину нашла!».

Вернувшись домой, я стала думать: куда поместить фотографию? На стенку? – Не пойдет! Тут в голову пришла блестящая идея: приклею-ка я ее в альбом! Шло время, к первой фотографии прибавились еще две, затем пять, вклеивались все новые и новые снимки, записывались песни – захватывающие сердце и душу...»

Катя пишет о том, как она старалась не пропускать ни одной передачи, ходила к соседям смотреть концерты по телевизору, потому что своего телевизора у нее в семье не было. 3 декабря 1975 года коллектив ткацкой фабрики выехал из Лукнова во Владимир на мой концерт. Билеты вручались по принципу: сначала начальству, а затем «кто давно работает».

«Я узнала, что в первые дни декабря Людмила Зыкина будет петь во Владимире. Билетов лишних при их распределении на фабрике не оказалось. Поехала во Владимир одна, собрав в кошелек все деньги. Дорогой думала: должна попасть на концерт во что бы то ни стало. К концертному залу имени С. Танеева машина подъехала, когда на город опускались ранние сумерки. На мое счастье женщина – муж ее захворал – продала мне билет. Бог-то есть! В правом крыле здания, между двумя стеклами красовался портрет моей любимой певицы. Долго стояла, любовалась снимком, все никак не могла поверить, что она рядом, еще совсем немного, и я увижу ее не на бумаге, не на экране, а живую».

Сижу на балконе. Медленно гаснет свет. Звучит музыка. Это играет оркестр русских народных инструментов под руководством В. Пителина. Вышел к микрофону ведущий и объявил: «Сегодня у нас в гостях народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Людмила Зыкина!». И под аплодисменты из левой кулисы на освещенную сцену величаво вышла Людмила Георгиевна. Подошла к самому краю сцены, улыбаясь и прикладывая руку к груди, трижды низко поклонилась публике. Зал ревел и стонал от грохота аплодисментов. Звучит

«Степь». Стоит ОНА на сцене, не поет, а рассказывает о горькой судьбе ямщика из той далекой, древней России.

За мной на следующем ряду сидит немолодая женщина и восхищенно до конца повторяет: «Молодец, Зыкина, красавица моя!».

Да, насчет красавицы верно, но, извините, Зыкина – моя!

Во время перерыва понесло меня за кулисы. Видите ли, захотелось лично познакомиться с певицей. Еще до концерта, зная про мое увлечение, сослуживцы давали разные советы: «Зыкина тебя ждет не дождется с распростертыми объятиями. Когда придет Катька Рогалева, все спрашивает... С ума-то не сходи...». «Да чего там! Ты возьми и махни прямо в гостиницу!». Отрезвляюще подействовал вопрос, заданный самой себе: «А что я скажу Людмиле Георгиевне?». Любовь любовью, но должна же быть и совесть! Она вовремя заговорила. Я счастлива тем, что мне не удалось тогда «лично» встретиться!».

Встретились мы с Катей в 1991 году. Благодаря ее находчивости (она не знала, где я живу) водитель такси сам привез Катю к моему подъезду и дал совет обратиться к лифтерше, чтобы у нее узнать, какой этаж и номер моей квартиры.

«Я быстро поднялась на нужный этаж. Лифт с легким шумом закрылся за мной. Два шага – и я у дверей квартиры любимой певицы.

Сердце в груди ухает, ноги чуть ли не трясутся, дрожащей рукой тянусь к глазку звонка. И, наконец, кнопка под пальцем вдавилась, и я услышала мягкий, прерывающийся звонок. Воцарилась тишина... Снова звоню. После этого я услышала легкие шаги, звон ключа и голос Людмилы Зыкиной:

– Кто вы?

Я назвала свою фамилию и имя.

– Откуда вы, я вас не знаю.

– Людмила Георгиевна, с Владимирщины я, откройте, пожалуйста, через дверь все равно ничего не узнаете.

В двери закрутился ключ, и дверь отворилась. В проеме у порога я увидела очень домашнюю хозяйку, с мягкими, давно знакомыми чертами лица.

– Кто вы и откуда?

– Людмила Георгиевна, я из Владимирской области. Можно войти к вам на несколько минут?!

Людмила Георгиевна слегка окинула меня взглядом и чуть посторонилась.

– Ну что ж, входите.

Я переступила порог, прикрыла дверь.

– Извините меня за столь раннее вторжение. Но у меня есть причина. В начале этого месяца я отметила двадцатилетнюю годовщину дружбы с вашим творчеством. Примите мою благодарность и этот скромный букет цветов.

Она сказала: «Спасибо», спокойно приняла цветы и положила их неподалеку на стол. По лицу ее пробежала тень смущения:

– Как-то неловко получается. У нас, видите, ремонт... Хаос кругом... Как-то неудобно... Может, чаю выпьете? Согреть недолго.

– Людмила Георгиевна, спасибо, не беспокойтесь, пожалуйста. Я знаете куда приехала? Я приехала в институт кардиостимуляции и сейчас поеду в Олимпийскую деревню, на проверку...

Людмила Георгиевна подошла ко мне, ее глаза широко смотрели на меня:

– Желаю вам доброго здоровья, чтобы у вас все было хорошо. Пусть хранит вас Бог!

– Спасибо. Я не имею права задерживать вас долго. Извините за все. Я уйду. До свидания.

Я повернулась к выходу. Людмила Георгиевна сопровождала, чтобы закрыть дверь. У двери я обернулась на несколько секунд:

– Да, Людмила Георгиевна, почаще появляйтесь по телевизору. Ладно?

– Постараюсь по мере возможности.

Наши глаза встретились, и, наконец, мы невольно обменялись легкими улыбками...».

Екатерина Рогалева не просто увлекалась моими песнями, она не коллекционировала их для показной демонстрации своей любви ради того, чтобы на ее увлечение обратили внимание. Песня стала спутником ее жизни в самом глубоком понимании этого слова. Катя духовно росла, размышляя о смысле искусства, воспитывала в себе любовь к своей стране без пафоса, без ложного патриотизма. Я горжусь тем, что у меня такие внимательные, думающие и преданные слушатели.

* * *

Зыкина получила сотни тысяч писем и от поклонников, и просто людей, просящих содействия в решении жизненно важных, не требующих отлагательства вопросов. Как могла, помогала: одним посылала деньги, другим доставляла дефицитные лекарства, третьим сокращала хлопоты в приобретении инвалидных колясок, жилья, в предоставлении заслуженных льгот, четвертым помогала избежать тюремной решетки. Было такое. Пришло письмо из Владимира от матери, сына которой осудили якобы за воровство. Зыкина поехала во Владимир, и судебное решение было пересмотрено.

«Если перестал работать, значит, перестал и жить». (Людмила Зыкина)

Но нередко люди, пользуясь ее доверчивостью и отзывчивостью, попросту обманывали певицу, используя всевозможные ухищрения, убедительные доводы, от которых можно было не только прослезиться, а отдать последнее. Однажды пришло письмо из Омска от женщины, якобы пораженной тяжелым недугом и поэтому прикованной к постели на протяжении четырех месяцев. Автор письма сообщала, что она бедна, имеет на иждивении старую больную мать и не в состоянии купить самое необходимое, не говоря уж о каком-нибудь захудалом телевизоре, который ох как бы пригодился в такой тяжелейшей ситуации. Зыкина немедленно позволила знакомому директору филармонии, договорилась о покупке телевизора и доставке его по указанному адресу. Вскоре вылетела в Омск на гастроли и в первый же день пребывания там отправилась навестить тяжелобольную. Дверь оказалась закрытой. Соседи сказали, что ее адресат на работе. Спрашивает у соседки: «А как здоровье у Валечки? Она поправилась окончательно?» – «С чего вы взяли, – та отвечает. – Она и не болела». Людмила Георгиевна сначала подумала, что ошиблась, и на всякий случай спросила: «А мама как себя чувствует?». «Прасковья Петровна? Да на здоровье пока не жалуется. Недавно зубы вставила, шубу новую приобрела. Обмывали покупку». Вскоре подошла и «тяжелобольная». «Меня поразила наглость, с какой она оправдывалась, – вспоминала певица. «А что тут особенного? – говорит. – У меня действительно денег всегда не хватает. Задумала вам написать, авось что-нибудь и выгорит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.